

Мэнди Бэггот

Загадай желание

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б97

Mandy Baggot
WISHING ON A STAR

Copyright © Mandy Baggot, 2022
This edition is published by arrangement with Darley Anderson and
Associates Ltd. and The Van Lear Agency

Перевод с английского *Марины Кокта*

Иллюстрация на переплете *Мариш Кузьмич*

Художественное оформление *Радия Фахрутдинова*

Бэггот, Мэнди.

Б97 Загадай желание / Мэнди Бэггот; [перевод с ан-
глийского М. В. Кокта]. — Москва : Эксмо, 2024. —
384 с.

ISBN 978-5-04-206819-5

Анна Хит потеряла веру в любовь после развода. Она отвлека-
ется на новогодние хлопоты, мечтая подарить дочке незабываемый
праздник.

Сэм Джекман — звезда Национальной футбольной лиги. Холостяк,
живущий легко и беззаботно. Пока не узнает новость, которая меняет
его жизнь. Единственное, о чем Сэм может думать, — бегство. Он летит
в Лондон, где буквально сталкивается с Анной.

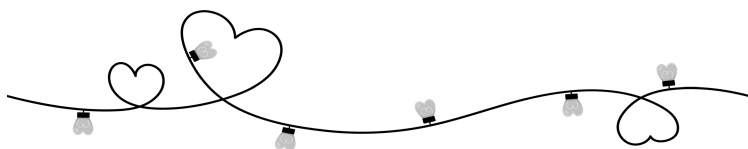
И пока город сияет огнями, а снежинки искрятся на улицах и пло-
щадях, Анна и Сэм чувствуют: эти зимние праздники станут началом
чего-то особенного.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-206819-5

© Кокта М., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Моей прекрасной бабушке,
которой мне так не хватает,
Кэтлин Фэйрклот (урожденная Джонс)
22 февраля 1929 — 17 марта 2022*

Цинциннати, Огайо, США
Ноябрь

— Сэм, ты меня слышишь, чел?
— Расступитесь. Сэм, дружище, это Тим. Ты меня слышишь?

— У него что, шлем треснул? Точно треснул! И голова тоже треснула?

Внутри себя Сэм Джекман улыбался, но он не был уверен, что сигналы из его мозга доходили до губ. Чад, с которым они играли в одной команде, паниковал так, будто он мама Сэма. Но ощущения были и впрямь странными. Как будто... в общем, было больно. Нестерпимо. Он помнил, как бежал к боковой линии, изо всех сил пытаясь вырвать победу для «Бизонов Цинциннати» — своей команды Национальной футбольной лиги, а потом ударился обо что-то. Или, вернее, о кого-то. Он летел по воздуху мимо тысяч людей на трибунах, мимо прожекторов и чирлидеров, которые слились в один поток радужного света, когда он свалился на газон. Вниз головой. И с искрами из глаз.

— Он дышит? — Сэм услышал голос Тима.

— Вы что, сомневаетесь, что он вообще дышит?! — Чад запаниковал еще больше.

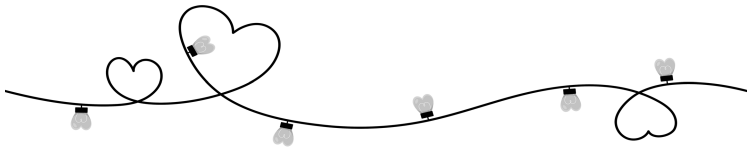
— Где врачи?

— Сэм! Очнись, мужик! Открой глаза! — Голос Чада был уже таким громким, что Сэму стало больно.

Внезапно он почувствовал себя опустошенным. Именно так чувствуешь себя, когда не спишь всю ночь из-за завывания сирен под окнами. Это опустошение наваливается на тебя, обволакивает и не дает дышать. Сэм уже лежал на земле, поэтому ему оставалось только не открывать глаза и сдаться...

— Сэм! Сэм! Не смей отрубаться!

— Сэм!

ГЛАВА 1

Ричмонд, Лондон, Великобритания

— Тяни, Рути!
— Да тяну я!

— Значит, тяни так, как будто это не елка, а очень колючий Халк в исполнении Марка Руффало. Ой!

Анна Хит выпустила из рук ветки ели, почувствовав, как иголки вонзились ей в ладони через перчатки, словно острые булавки. Дерево было слишком большим, чтобы легко пролезть в проем входной двери их таунхауса в Ричмонде. И если им даже удастся проташить его в гостиную, оно совершенно точно загородит телевизор и камин огромными ветвями. В начале декабря возле их любимого кафе на продажу выставили елки, и в ту секунду, когда Рути остановила взгляд на дереве, которое возвышалось над остальными, Анна уже знала, что будет дальше.

— Это оно, мам! Это Малкольм!

За те тринадцать лет, которые Рути провела в этом мире, Анне так и не удалось донести до нее, что иногда нужно идти на компромисс. Проблема была в том, что у Рути могло появляться по сто желаний на дню, а Анне никогда не хватало сил отказать ей, если эти желания были осуществимы и не грозили ее разорить.

— Мама, у них здесь горячий шоколад трех видов — надо попробовать все!

— Ой, мам, смотри, какой милый плюшевый ослик! Его зовут Ларри. Мы же не можем его оставить здесь, раз мы уже дали ему имя!

Рути вовсе не была избалованной. Просто у нее было расстройство аутистического спектра. И у Анны все еще не укладывался в голове этот диагноз, поставленный два года назад.

— Малкольм очень извиняется. — Голос Рути прозвучал где-то впереди на расстоянии десяти веток.

— Малкольму придется ампутировать несколько конечностей, если он хочет остаться у нас, — ответила Анна, стягивая перчатки и рассматривая покрасневшие руки.

— Мы не можем его расчленивать! Он часть *семьи*.

Анна не видела Рути из-за густой кроны «Малкольма», но вполне представляла выражение ее лица. Ее ярко-голубые глаза наверняка бегали из стороны в сторону, как всегда, когда она пыталась сосредоточиться, темные локоны болтались, выбившись из-под зимней шапки, пока Рути прижимала ветки, чтобы дерево точно влезло в дом. Она была такая умная. Лучшая в классе.

Служба тестирования заболеваний аутистического спектра определила ее расстройство как «высокофункциональное»¹. Но в повседневной жизни Рути с трудом удавалось делать даже простые вещи, и ей больше всего на свете хотелось распрощаться с этим диагнозом, так же, как и ее матери, Анне. Вот только ты не можешь распрощаться с неотъемлемой частью своего ребенка. Анна и Эд совсем не ожидали диагноза РАС, но деваться от этих трех букв было некуда: они изменили их жизнь, завертев ее вокруг необыкновенного ребенка, особенного во всех смыслах этого слова.

— Так, — сказала Анна, выдыхая. — Я готова толкать снова, но ты должна сказать, когда мне остановиться.

Она натянула шапку пониже на темное каре и подумала, что хорошо бы джинсы не сползли, обнажив ее зад перед проезжающими мимо машинами. Ей и впрямь пора было купить новый ремень.

— Хорошо, — отозвалась Рути.

¹ Высокофункциональный аутизм — одно из расстройств аутистического спектра; его диагностируют людям с высоким коэффициентом интеллекта (поэтому когнитивные функции мозга, то есть способность воспринимать, изучать и перерабатывать информацию, и называют высокофункциональными), у которых наблюдаются проблемы в развитии речи, социализации и коммуникации. — *Здесь и далее примечания переводчика и редактора.*

— Уверена, Рути? Потому что в этот раз у меня получится, — сказала Анна. — У меня теперь есть сила Тора и его молота и, надеюсь, меткость Соколиного глаза.

— Мам, я знаю, что ты сильная, но ты не супергерой.

— Ну вот. Теперь ты рушишь мои мечты. Ладно. На счет «три». Раз, два, три!

Она толкнула изо всех сил, дерево проскочило через дверной проем, и в доме раздался леденящий душу крик, который впору было записать и использовать в сериале «Американская история ужасов».

— Малкольм! Нет! Малкольм меня придавил! Малкольм меня придавил!

Своим криком Рути легко могла бы призвать Люцифера из бездны ада, и Анна в первую очередь подумала о дочери в надежде, что та не сильно пострадала. И только потом — о разрушениях.

Она буквально бросилась через порог прямо на дерево, откидывая ветки в сторону от своего лица и огибая ствол. На доли секунды она зацепилась взглядом за фотографию своей бабушки Гвен, стоявшую на буфете. Если бы та смотрела сейчас вниз с небес, то смеялась бы над происходящим или удивлялась, почему Анна до сих пор не «завела себе мужика»? Какой бы независимой ни была сама бабуля Гвен и какой бы самодостаточной она ни вырастила Анну, у нее все равно были старомодные представления о том, что в мире есть дела, предназначенные только для мужчин или только для женщин. Но времена меняются, и, будучи матерью-одиночкой, Анна несла на себе всю ответственность как за деньги в доме, так и за всех Малкольмов в их с дочерью жизни.

— Рути, ты как? — спросила Анна, добравшись наконец до нее.

— Малкольм давит, мне больно! — закричала Рути еще громче, если такое вообще было возможно.

— Сейчас, сейчас. — Дерево почти полностью закрывало Рути, и Анна схватилась за верхние ветки, пытаясь отодвинуть его в сторону от дочери, трепыхающейся, будто рождественский эльф, которого вот-вот засосет в пылесос. Анне нужно было сдвинуть дерево, и как можно скорее!

— Малкольм, прекрати!

С одной стороны — буфет в коридоре, на котором стояла фотография бабули Гвен, любимая лампа Анны с ярко-красным стеклянным абажуром, принадлежавшая бабуле Гвен, и телефон, с другой — Рути, которая продолжала биться в истерике так, что неравнодушные прохожие уже могли скоро вызвать полицию...

Анна толкнула елку влево и с трудом добралась до дочери под грохот падающего на паркет телефона и звуки бьющегося стекла. Лампа это была или фоторамка — оставалось только догадываться.

— Все хорошо, — сказала Анна, пока Рути пыталась встать на ноги, ни до чего не дотрагиваясь, — та еще задачка, если ты лежишь на спине. — Мне... взять тебя за руку и помочь подняться?

— Не трогай мои руки! — рявкнула Рути, переворачиваясь на живот и опираясь локтями на деревянный пол так, чтобы ладони ничего не касались. — И не смотри на меня!

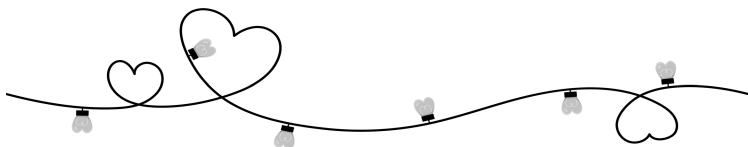
Анна прикусила губу и перевела взгляд в коридор, где было полно еловых веток и осколков красной лампы — еще одна опасность, которую предстояло устранить. Она хотела только облегчить Рути жизнь, но порой все, что она могла, — просто быть рядом и разгребать последствия. Причем часто разгребать приходилось в прямом смысле этого слова.

— Можно я приму душ? — спросила Рути, поднявшись на ноги. Вся ее кофта была в еловых иголках, она вытянула руки в стороны, словно пугало, и всем своим видом показывала, что ей было неприятно оказаться на полу.

— Да, конечно, — ответила Анна. — Я пойду наверх и принесу тебе полотенца. Только не двигайся, потому что там битое стекло. Договорились?

— Договорились.

Анна направилась к лестнице, по пути окинув взглядом елку, распростершуюся на паркете, телефон и разбитый абажур; дополняли эту картину полного разгрома рождественские открытки, которые она подписала, но не успела отправить. Бабуля Гвен невозмутимо наблюдала со стороны. Веселых, веселых праздников. А ведь они только начались.

ГЛАВА 2

Офис доктора Монро, Цинциннати, Огайо

Кофе здесь всегда был хорош. Что вообще-то странно для больницы. Сэм Джекман бережно держал бумажный стаканчик с темной жидкостью и наслаждался его теплом, пока ждал доктора. За окном было морозно и тепло только лишь для того, чтобы выпал снег.

Сэм не особо любил холода, но привык к ним. Там, где он рос, отопление было почти роскошью, и его включали, только когда температура на улице опускалась ниже нуля. Хотя его родители никогда и не называли себя бедными и часто говорили: «Нам повезло иметь крышу над головой, еду на столе и любовь Всевышнего», но по меркам большинства людей именно бедными они и были.

Все их жизнь была как из секунд-хенда. Учебники из вторых рук, машина — из пятых, а то и шестых, самодельная одежда, из-за которой он всегда был объектом насмешек и издевательств среди сверстников. Но его младшая сестра Тионна переживала это все гораздо тяжелее. Как она могла делать то, что делали ее друзья — а они в основном подражали певице Пинк и ходили по магазинам в торговом центре, — если она все время одевалась так, будто в свободное время собирает урожай сахарного тростника? Но это было в прошлом. Теперь он мог ее обеспечить. И ее лента новостей в Инстаграме¹ это подтверждала. Тионна, которую когда-то высмеивали за ее внешний вид, теперь стала образцом

¹ Instagram — проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России признана экстремистской и запрещена.

для подражания для других девчонок, и Сэм невероятно гордился ею.

Он оставил стаканчик с кофе в одной руке, а другой потянул ворот шерстяного пальто. Оно было дизайнерским и стоило больше тысячи долларов, и Сэм знал, что ему лучше не рассказывать родителям о том, сколько денег он потратил на один предмет одежды. Он был вынужден признать, что колебался перед покупкой и окинул взглядом вешалку с вещами на распродаже, прикидывая, способен ли нейлон стать отличной заменой шерсти, если при этом сэкономит ему деньги. Можно вытащить мальчика из Уинтон-Хиллз¹, но нельзя вытащить Уинтон-Хиллз из мальчика. Он все еще не свыкся с тем, что у него есть деньги. Но пора было уже привыкать — если сейчас ему кажется внушительным даже его доход в команде «Бизоны Цинциннати», то жизнь по-настоящему заиграет всеми красками, когда он присоединится к «Далласским диггерам» — лучшей футбольной команде в стране. Контракт, который уже вот-вот будет подписан, принесет ему звание самого высокооплачиваемого игрока в истории. По крайней мере, так говорили. Сэм не стал вникать во все детали контракта, оставив их своему менеджеру Френки, но он понимал важность этого шага, который обеспечит ему самому, Тионне и их родителям не просто безбедную, но даже роскошную жизнь. Если только этот прием у врача подтвердит, что результаты его анализов в порядке. Возможно, ему назначили прием по какой-то другой причине. Вдруг сотрясение, которое он получил пару недель назад, оказалось чем-то более серьезным? Он вышел из строя на четыре или пять дней, его мучили головные боли и головокружение, что нормально после подобной травмы, но в этот раз адвил² не помог. И Чад, его лучший друг из команды «Бизонов», заглядывал минимум пару раз в день, чтобы проверить его. А если Сэм не отвечал на звонки, Чад отправлял ему еду через «Дор-Даш»³, чтобы быть спокойным за доставку.

¹ Winton Hills — район Цинциннати, в котором велось строительство жилья для людей с низким доходом.

² Нестероидный противовоспалительный препарат.

³ DoorDash — крупнейшая платформа по доставке еды в США.

Сэм окинул беглым взглядом стены в кабинете доктора Монро. Вперемежку с информационными плакатами о холестерине и диабете там висели дипломы в рамках, вокруг которых скотчем была приклеена мишура. Эти награды свидетельствовали о профессионализме того, кто усердно учился, неустанно готовился к экзаменам и теперь имел достаточно опыта, чтобы вычислить любой сбой в человеческом организме. Сэм всегда завидовал такому успеху, основанному на чем-то весомом. А вот ему люди платили деньги, потому что он умел быстро бегать с мячом и правильно падать на землю. И правда заключалась в том, что вскоре он начнет зарабатывать куда больше врача, который лечит больных и спасает жизни. И с этой точки зрения его везение не казалось таким уж справедливым...

Дверь кабинета открылась, впустив несколько строчек рождественской песни из динамика в регистратуре, мимо которой Сэм проходил по пути сюда, а вместе с ними и холодный воздух. Возможно, теплое пальто все же было правильным вложением денег. Перед ним оказался доктор Монро — из его нагрудного кармана торчали три ручки, на шее красовался галстук-бабочка с принтом из карамельных тростей, а лоб, как всегда, был нахмурен. Вполне может быть, доктор сожалел о времени, которое он посвятил учебе и всем этим дипломам. Возможно, он даже предпочел бы сейчас зарабатывать на жизнь, играя в мяч...

— Сэм, — сказал доктор Монро, протягивая ему руку, пока Сэм поднимался на ноги, чтобы поздороваться. Но доктор замер на полпути. — Сейчас вообще пожимают руки? Или все теперь приветствуют друг друга кулаками?

Сэм подставил кулак.

— Я могу научить вас приветствию «Бизонов», если хотите.

— Давайте все же остановимся на рукопожатии, — сказал доктор, снова протягивая руку.

Сэм пожал ее, и после всех этих формальностей доктор плюхнулся в рабочее кресло так, будто оно было вроде тех, что стоят на мягких игровых площадках для детей. Доктор закрыл глаза и замолчал.

— Вы хорошо себя чувствуете? — Сэм задал вопрос, который вряд ли часто слышал в свой адрес тот, кто привык отвечать на вопросы о чужом здоровье.

— Просто... никогда не любил сообщать плохие новости, — сказал доктор.

Он открыл глаза и посмотрел прямо на Сэма, как будто его последняя фраза как-то относилась к нему. *Плохие новости?* Нет, это же просто формальная встреча, чтобы подтвердить, что его анализы в норме и он может вернуться на поле...

— Но, — продолжил доктор Монро, — такова неприятная часть моей работы.

— Та-ак, — произнес Сэм, чувствуя, как во рту пересохло. — Это вы о пациенте, который был здесь до меня, да?

— Итак. — Доктор Монро выпрямился, перебирая бумаги одной рукой и доставая папку из подставки для документов другой. — Я обозначаю, в чем суть, пока мы ждем вашего агента. Она скоро приедет?

Доктор не ответил на вопрос Сэма.

— Я... — Сэм растерялся. Он сказал Френки, чтобы она сегодня не приходила. Секретарь доктора Монро попросила приехать вместе с ней, но Френки всю работала над финальными штрихами в контракте, к тому же приближалось Рождество, а Сэм знал, сколько у Френки дел в это время года. И вовсе не потому, что она готовилась к празднику — она могла дать фору Эбенезеру Скруджу в своем нежелании отдыхать от работы хотя бы на Рождество, — просто все вокруг приостанавливали работу, и ей было необходимо удостовериться, что все контракты будут подписаны, скреплены печатью и оплачены до того, как сотрудники офисов уйдут на праздники. В понимании Сэма его визит к доктору нужен был для галочки, а не для нового обследования...

— Френки не смогла приехать сегодня, — сказал Сэм. — У нее другие дела.

— Хм, — произнес доктор Монро. — Понятно.

Он вертел в руках папку с бумагами. Это документы, касающиеся Сэма? Разве сейчас все не в электронном формате? Он вдруг почувствовал, что не хочет, чтобы доктор Монро открывал эту папку. Что-то было не так. Что-то повисло в воздухе, и атмосфера этого кабинета, которая поначалу ка-